

## О РЕЛИГИОЗНЫХ ЗАПРОСАХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ (С ПАСТЫРСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ)

ПРОТОИЕРЕЙ СЕРГИЙ ЧЕТВЕРИКОВ

Вниманию читателей предлагается первый выпуск журнала «Вопросы религиозного воспитания и образования», вышедшего в 1927 г. в Париже, в частности, статья протоиерея Сергия Четверикова и предисловие В.В. Зеньковского в соавторстве с И.А. Лаговским. В журнале помимо указанных материалов были напечатаны также следующие статьи: Зеньковский В.В. «Церковь и школа»; Лаговский И.А. «Антирелигиозная пропаганда»; Шидловская С.С. (в замужестве Куломзина) «Эволюция методов религиозного воспитания в Америке». Первый выпуск заканчивался библиографией и хроникой религиозно-педагогического совещания, прошедшего в Париже 6–9 сентября того же года.

Публикация подготовлена канд. пед. наук Т.В. Склярновой и предваряется краткой характеристикой деятельности русской эмиграции в области духовно-нравственного воспитания детей, растущих на чужбине.

Из множества задач, вставших перед русскими эмигрантами в начале XX в., одной из самых ответственных стала забота о подрастающем поколении. Уже на пароходах, увозивших беженцев из России (ненадолго, как думалось тогда), организовывались добровольные группы для занятий с детьми. Перспектива более длительного пребывания на чужбине поставила перед эмиграцией более масштабные задачи – спасти десятки тысяч русских детей от неизбежной денационализации, с одной стороны, с другой – дать им возможность получить высшее образование.

В 1920–1921 гг. по странам рассеяния стихийно возникают общественные организации, ставящие себе целью помощь беженцам и, в первую очередь, заботу о детях. К 1923 г. эмигрантские учительские объединения собираются уже в единый орган – Объединение русских учительских организаций за границей. В апреле 1923 г. в Праге состоялся первый Съезд деятелей русской школы за границей. Одним из результатов деятельности съезда стало создание Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей. За время существования Педагогического бюро Объединения русских учительских организаций прошло пять педагогических съездов. К 1 июля 1926 года Объединение русских учительских организаций за границей состояло из:

– Общества русских педагогов в Болгарии;

- Союза русских педагогов в Греции;
- Союза деятелей русской демократической школы на Балканах (Югославия);
- Общества русских педагогов в Королевстве СХС;
- Объединения русского учительства в Финляндии;
- Союза русских преподавателей в Германии;
- Союза русских педагогов средней и низшей школы в Чехословацкой Республике;
- Объединения русских учителей в Англии;
- Педагогического совета русской гимназии в городе Данциге;
- Профессионального союза русских учителей-эмигрантов в Эстонии;
- Союза русских педагогов во Франции.

В 1927 г. в Париже при Богословском институте, созданном в 1925 г., был учрежден Религиозно-педагогический кабинет (РПК). В основание его была положена идея о необходимости особой сосредоточенности на вопросах религиозного воспитания и образования в условиях эмиграции. РПК просуществовал, судя по его публикациям, до 1961 года. Возникновение и работа Кабинета во многом были связаны с именем В.В. Зеньковского – русского философа и богослова, много сил и времени отдавшего анализу основных проблем педагогики с точки зрения христианской антропологии. Ко времени создания РПК В.В. Зеньковским была собрана группа коллег – С.И. Четвериков (впоследствии ставший священником), И.А. Лаговский, А.Ф. Шумкина, С.С. Шидловская (в замужестве Куломзина) и др.

Главной целью деятельности РПК являлось сохранение национальных духовных традиций в среде подрастающего поколения русской эмиграции, так как к тому времени обозначились тенденции к уменьшению количества русских школ и учащихся в них. Это объяснялось в основном экономическими причинами – в ряде государств стали сокращаться правительственные дотации на содержание русских школ, что неизбежно влияет на качество любого обучения. Одновременно во многих семьях беженцев появляется желание обучать своих детей в местных школах, чтобы у подрастающего поколения была возможность приобщения к культуре страны пребывания и приобретения знаний и умений, которые облегчат нахождение заработка в эмиграции, с одной стороны, с другой – могут пригодиться по возвращении на родину. Для достижения целей деятельности РПК формулировались задачи, продиктованные проблемами национального, семейного, православного воспитания. Сотрудники РПК выступали с докладами и сообщениями перед студентами Богословского института, рабочими-эмигрантами, учителями гимназий; регулярно выпускался «Религиозно-педагогический бюллетень» кабинета. Первые выпуски бюллетеней печатались в качестве приложений к журналу «Вестник РСХД»<sup>1</sup> в 1927–1930 гг., и в таком виде они сохранились

---

<sup>1</sup> РСХД – Русское студенческое христианское движение. В уставе Движения, принятом общим съездом в Клермоне (Франция) в 1927 г., определялись задачи РСХД: «Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своею основною целью объединение верующей молодежи для служения Право-

до настоящего времени. После 1930 г. и до 1961 г. бюллетени, вероятно, публиковались отдельными изданиями. Перечень помещенных в них статей полностью приведен в приложении к сборнику «Русская педагогика в XX веке»<sup>2</sup>.

Помимо вопросов методики преподавания вероучительных дисциплин в этих статьях получили свое освещение проблемы в области *социально-педагогической деятельности Церкви*: работа приходов с детьми, социальное воспитание в школе, проблема христианизации жизни, служение мирян в Церкви и вне ее, задачи и пути социального воспитания; *общие вопросы религиозной педагогики*: основные идеи православной педагогики, религиозно-педагогические задачи, причины педагогического кризиса, национальный вопрос и религиозно-нравственное воспитание и др. *Связь Церкви с семьей и школой* также обсуждалась в таких публикациях, как «Церковно-приходские союзы родителей», «О религиозной работе с молодежью», «Воскресно-четверговые школы», «Связь школы с семьей и обществом», «Церковь и дети в России», «Церковь и школа»<sup>3</sup>. Отдельными изданиями РПК были выпущены также несколько десятков брошюр и книг<sup>4</sup>.

Пристальное внимание к современным системам воспитания не было случайно. Сотрудниками РПК во главе с В.В. Зеньковским разрабатывался проект новой религиозной педагогики и школы. Отношение к религии мыслилось в этом проекте строго конфессиональным. В протоколе одного из совещаний РПК находим следующие рассуждения на эту тему: «Мы являемся противниками интерконфессиональной школы – фактическое религиозное преподавание, ограниченное рамками общехристианского учения, обедняет религиозное преподавание до крайней степени... Для детей и подростков чрезвычайно важна конкретная религиозная жизнь, включающая и быт, и связь с Церковью. Особенно в православии, с богатством культуры и полной церковной жизнью уместиться в рамки интерконфессиональной школы было бы совершенно невозможно, и если бы приходилось выбирать, то мы предпочли бы нейтральную школу интерконфессиональной. Тем более неуместны в будущей России интерконфессиональные школы, которые или понижали бы религиозное самосознание детей или, наоборот, привносили бы в школьную обстановку отзвуки борьбы, что совершенно неуме-

---

славной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих» (Вестник РСХД. Париж, 1928. № 7. С. 1). На первом организационном съезде в 1923 г. в Пшерове (Чехословакия) было определено, что это объединение мирян, не будучи церковной организацией, канонически входящей в церковный организм, будет иметь в своем составе духовенство. Многие участники Движения лишь через участие в мероприятиях РСХД пришли в Церковь, многие, благодаря РСХД, вернулись в нее.

<sup>2</sup> Зеньковский В.В. Русская педагогика в XX веке. Париж, 1960.

<sup>3</sup> Там же. С. 28–31.

<sup>4</sup> В их числе: Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии; Четвериков С.И. Церковь и молодежь. Париж, 1933; Старые – молодым. Сборник статей. Париж, 1960; Христианство перед современной социальной действительностью. Париж, 1932.

стно... Обществу должна быть обеспечена возможность конфессионального или нейтрального отношения к религиозному воспитанию детей»<sup>5</sup>.

В разработке плана новой религиозной школы *особое внимание сотрудников РПК было обращено на проблему денационализации*. Во главу угла ставился вопрос о возврате ребенка к своей семье, родным, к своей национальной принадлежности. Это явление затронуло в эмиграции не только детей, но и взрослых. В целях сохранения большей психологической устойчивости была осознана проблема борьбы с денационализацией, необходимость сохранения в детях принадлежности к русской традиции. Это выражалось не только в восстановлении «испорченного» или утраченного русского языка. Проблема денационализации у детей эмигрантов наиболее отчетливо проявилась в двух крайностях – у них либо совсем терялось чувство принадлежности к русской культуре, быту, традициям, либо все, что связано с Россией, идеализировалось.

В первом случае дети, быстро ассимилировавшиеся к окружающей их обстановке, утрачивали живое ощущение Родины. Чаще всего это были дети, находившиеся вне русской школы, особенно вне воздействия родной семьи. Вторая категория детей – учащиеся в русской школе и живущие в интернатах. Обстановка, в которой находились дети, некоторая изолированность, оторванность от окружающего реального мира побуждали жить их, главным образом, воспоминаниями о России.

Попытка создания в условиях эмиграции системы православного воспитания и образования во многом связана и обусловлена деятельностью таких выдающихся в отечественной истории и культуре личностей, как С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, Н.А. Бердяев. Четкое осознание конечных целей воспитания именно как религиозной задачи, как личной проблемы педагога-воспитателя позволило им выработать главные ориентиры в организации воспитательного процесса. Обязательная связь воспитательного коллектива с церковными приходами, участие воспитанников в приходской жизни явилось важнейшим условием становления религиозно-воспитательной системы в эмиграции. Межличностное общение священнослужителей с детьми в работе воскресно-четверговых школ, в летних лагерях, на конференциях и съездах играло немаловажную роль в ориентации подрастающего поколения на православные традиции русской культуры.

Иерархический подход к воспитанию, признающий главенство религиозного воспитания над всеми остальными и заключающийся в соподчинении всех сторон жизнедеятельности ребенка религиозному началу, явился отличительным признаком становления воспитательной системы именно в православной традиции.

В числе изданий Религиозно-педагогического кабинета, посвященных проблемам религиозного воспитания, был и журнал *«Вопросы религиозного воспитания и образования»*, который предлагается вниманию читателей. Пер-

---

<sup>5</sup> Вестник РСХД. Париж, 1929. № 3. С. 3.

вый его номер вышел в Париже, в 1927 г., но существование журнала было недолгим, в основном из-за нехватки средств.

Помимо статьи протоиерея Сергия Четверикова публикуется предисловие В.В. Зеньковского в соавторстве с И.А. Лаговским, написанное к первому выпуску этого журнала.

Зеньковский и Лаговской так сформулировали задачу этого издания: «...перед русским церковным обществом стоит огромная и увлекательная задача: подойти к вопросам религиозного воспитания и образования в свете того, что имеем мы в Православии. Неотрываемость этой задачи от общей, давно уже зреющей задачи построения всей системы культуры на основе и в свете Православия определяет особую значительность, но и особую трудность религиозно-педагогической проблематики в наши дни».

Текст публикации дается согласно нормам современного русского языка, неупотребляемые буквы убраны, слова, начинающиеся с прописной буквы, печатаются в соответствии с оригиналом. Если одно и то же слово в тексте пишется как с прописной, так и со строчной буквы, то такое различие также сохранено. Сноски автора публикации отмечены арабскими цифрами и даны в конце текста.

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуская в свет настоящее издание, считаем своим долгом предпослать ему несколько слов.

Летом 1927 г. при Православном Богословском Институте в Париже был учрежден, благодаря щедрому дару американских друзей Института, специальный Религиозно-Педагогический Кабинет. В основание его была положена мысль о необходимости особой сосредоточенности в наше время на вопросах религиозного воспитания и образования. Та разрушительная антихристианская работа, которая ведется в Советской России с небывалой настойчивостью и систематичностью, несет с собой тяжелое испытание для подрастающего поколения в России. И не только любовь к детям и подросткам, подвергающимся этому растлевающему влиянию, но и тревожная дума о будущей России, о судьбе Православной Церкви в ней, побуждают нас готовиться к самой деятельной борьбе с тем, что творится в этом отношении в Сов[етской] России. Мы должны однако трезво сознаться в том, что на прежних путях религиозного образования и воспитания можно достигнуть очень небольших результатов. Дети и подростки наших дней не только в России, но даже в эмиграции столь отличны от молодежи в предыдущие годы, что не только школа, но

даже семья зачастую уже не справляется с ними, не может духовно их укрепить и направить. Мы чувствуем это очень сильно в эмиграции – что же сказать о России, где общая духовная атмосфера столь наполнена ядовитыми миазмами? Школа наша обычно проходит мимо задач духовного воспитания или бессильна что либо сделать для него, семья так духовно беспомощна и экономически столь придавлена, что тоже не может, в огромном большинстве случаев, духовно обслужить свою молодежь. Должно поэтому признать, что мы нуждаемся в самом широком развитии в н е ш к о л ь н о й (разрядка в тексте. – *Прим. ред.*) религиозной работы, которая могла бы послужить делу духовного воспитания юного поколения. Сознание этого еще мало проникло в широкие круги нашего общества, и даже приходится с горечью констатировать, что в то время, как взрослые сумели так или иначе отстоять себя в духовном отношении, дети и подростки остаются сплошь и рядом предоставленными самим себе. Положение это должно быть признано нестерпимым, мы должны со всей силой осознать ненормальность создавшейся обстановки, мы не смеем забывать наших детей. Одно пребывание в школе, вдобавок часто не родной, а иностранной, вовсе не снимает задачи духовного воспитания детей, а наоборот, лишь подчеркивает ее особую значительность. Наше юное поколение принадлежит уже новому времени, несет на себе всю его тяжесть, внутренне обременено всем сложным и запутанным духовным положением. Для того, чтобы помочь нашим детям и подросткам, необходимо нечто большее, чем то, что может дать школа и даже семья – необходимо укрепление и питание духовной жизни молодого поколения через различные формы культуры и творчества. Тут мы подходим однако к самому больному месту современности. Много и хорошо критиковали современную культуру, со всей ее раздробленностью, с ее рассеченностью на ряд независимых сфер, с роковым преобладанием в ней механической «цивилизации». Но ведь вся эта система культуры еще в полном цвету, она не сменена никакой другой системой. Мы живем старой культурой, хотя в нас уже много нового, и эта старая система культуры не только не является благоприятной для духовного укрепления молодежи, но лишь углубляет тяжесть положения. Для духовного роста детей и подростков нужна новая духовная среда, нужна более целостная, более одушевленная горячей верой и творческими стремлениями жизнь, чем наша жизнь. Религиозно-педагогическая проблема не может быть поэтому изолирована (разрядка в тексте. – *Прим. ред.*) от общей проблемы наших дней о возвращении к идеалу целостной, религиозно-творческой культуры. Забота о детях, об их духов-

ном здоровье неизбежно переходит в более общую задачу религиозной перестройки всей системы культуры, – и хотя это только усложняет и без того трудный вопрос религиозного воспитания и образования, но было бы недостойным малодушием уезжать от этой сложности и трудности. Духовное здоровье детей не может быть обеспечено без создания цельной системы культуры, – и на этих путях только и можно с достаточной серьезностью ставить вопрос о религиозном воспитании и образовании.

Вся значительность того перелома, который должен быть внесен в дело религиозного воспитания и образования, определяется в первую очередь тем, что наши дети, а тем более подростки гораздо сложнее, чем были в свое время мы. Дети подхвачены историческим потоком, внутренне пронизаны тем, чем живет наша эпоха; нужна поэтому чрезвычайная духовная зоркость, чтобы не поддаться иллюзии, будто все обстоит благополучно с детьми в их духовной жизни, – нужна самоорганизация духовных сил общества, чтобы пойти навстречу детям в их реальных, хотя бы и недостаточно ими выраженных духовных запросах. Не для того предпринимаем мы настоящее издание, чтобы успокоить себя, но для того, чтобы дать место нашей тревоге, чтобы безбоязненно и прямо говорить о больных и трудных вопросах религиозного воспитания и образования. Задача настоящего издания и следующих его выпусков определяется сознанием чрезвычайной ответственности за судьбы Церкви и Родины, сознанием всей сложности и запутанности в духовной жизни подрастающего поколения.

Все христианские народы озабочены ныне тем же вопросом, и мы охотно будем присматриваться к тому, что сделано и что ныне делается в этом отношении у других народов и у других христианских исповеданий. Но мы хотим подходить к нашим темам в свете Православия; отчетливо понимая все особые преимущества и несомненные трудности, вытекающие из этого. Изучая пристально то, что делается в нашем деле у западных христиан, мы так глубоко и ясно сознаем, что многое нам чуждо, многое для нас неверно. Пути православного подхода к вопросам религиозного воспитания еще не были до конца осознаны, а тем более творчески пройдены, – перед русским церковным обществом стоит огромная и увлекательная задача: подойти к вопросам религиозного воспитания и образования в свете того, что имеем мы в Православии. Неотрываемость этой задачи от общей, давно уже зреющей задачи построения всей системы культуры на основе и в свете Православия определяет особую значительность, но и особую трудность религиозно-педагогической проблематики в наши дни.

Стремясь в меру наших сил послужить этой задаче, мы приступаем к изданию настоящей книги, рассчитывая на самую деятельную помощь со стороны тех лиц, кому дорога и близка наша задача. Вместе с тем с особой признательностью выражаем мы нашу благодарность нашим американским друзьям, благодаря которым мог осуществиться Религиозно-Педагогический Кабинет и могло организоваться при нем небольшое издательство.

*В.В. Зеньковский,  
И.А. Лаговский*

ПРОТОИЕРЕИ СЕРГИЙ ЧЕТВЕРИКОВ<sup>1</sup>

## О РЕЛИГИОЗНЫХ ЗАПРОСАХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ\* (С ПАСТЫРСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ)

Углубляющееся чувство любви к родному Православию и потребность его внимательного изучения все более и более захватывает русскую учащуюся молодежь, свидетельством чего является Русское Христианское Студенческое Движение. На летней конференции в Клермоне мне это особенно как-то живо почувствовалось; почувствовалось именно слияние русской христианской молодежи с матерью Россией в одном общем чувстве глубокого благоговения перед святынею Православия, в одной общей скорби за поругание этой святыни в России. С особенной силою это почувствовалось в день Казанской иконы Божией Матери, когда, казалось, все участники конференции слились в одном горячем народноправославном чувстве, так сильно и ярко выраженном одним молодым голосом, воскликнувшим: «Никто и никогда не вырвет России из нашего сердца!» Эти простые и горячие слова в моем сознании явились как бы лозунгом и итогом последней конференции. И я нахожу, что в этом слиянии с матерью-Россией в общем чувстве глубокого благоговения перед святынею Православия – и заключается вся сущность и вся будущность Русского Студенческого Христианского Движения, а также и вся задача, вся цель русского общества.

Нельзя жить, не имея в душе высокого и святого идеала. Жизнь крепка прежде всего идеалами. А Православие тем и ценно и дорого для нас, что оно не только ничем не заслоняет нам Лица Христова,

---

\* Доклад прочитанный на Религиозно-педагогическом Совещании в Париже 6–9 сентября.



но, наоборот, всем своим укладом таинственно и чудесно приближает Его к нашей душе и помогает живому нашему общению с Ним.

*Россия* (курсив в тексте. – *Прим. ред.*) сейчас стоит как бы на переломе – ей надо определенно и твердо решить основной вопрос ее существования, сохранит ли она свою православную христианскую душу или же, отказавшись от своего прошлого, пойдет вслед за обольщающими ее миражами отошедшей от Христа материалистической культуры. В решении этого вопроса не можем не принимать участия все мы, и мы должны слиться со своим народом в преодолении всех соблазнов и искушений, нависших ныне над русской душой. Для этого требуются огромные духовные силы, огромная бодрствленность духа, мы же все в большинстве случаев являемся немощными, беспечными и недеятельными. И потому мы должны молить Бога, чтобы Он просветил наши сердца, помог нам понять всю серьезность настоящего момента, и вложить все наши силы, всю нашу любовь и весь наш разум в то, чтобы не сойти нам с нашего народного исторического пути, указанного нам Богом, и не утратить нашей Святыни. Этим духом особенно должна проникнуться наша молодежь, ибо ей предстоит будущая работа в России. Неизреченной милости Божией обязаны мы тем, что на заре нашего исторического существования русский народ воспринял в свою душу святую истину и красоту Православия, что при всем своем невежестве и убожестве он прозрел истину принятой им веры, и жил ею тысячу лет, находя в ней свою нравственную и жизненную силу. И мы, в годы наших тяжких испытаний, также прозрели теперь эту истину и также нашли в ней нашу жизненную и нравственную опору. И потому, естественно, мы должны стремиться утвердить ее и в душах новых, подрастающих русских поколений. В этом и заключается смысл той работы с детьми, которую предприняло Студенческое Христианское Движение.

Мой настоящий доклад не претендует на какое-либо научно-педагогическое освещение поставленного вопроса. Моя задача очень скромная – поделиться с вами моим небольшим личным и пастырским опытом по вопросу о детских и юношеских религиозных переживаниях, запросах и потребностях, дать картину духовно-религиозного процесса в молодой душе от раннего детства до зрелой юности.

Религиозная жизнь каждого человека не является чем-либо искусственно созданным и выращенным в человеческой душе усилиями воспитателей. Она есть столь же, и еще более, существенная и необходимая часть нашей духовной природы, как и свойственные нам потребности истины, правды, красоты, добра и любви. Все эти духовные потребности и стремления человеческого существа живут в

каждом из нас, в мере, определенной нам Богом, могут в нас или развиваться или заглушаться в зависимости и от нас самих и от тех условий, той обстановки, тех влияний, в которых мы живем. Это похоже на то, как зерно, вложенное в землю, хотя и остается в этой земле, но для своего роста и развития требует определенных внешних влияний, света, тепла и влаги; если этих влияний не будет, зерно, может быть, и сохранится, но оно уже не проявит себя, не даст ростков и плодов. Так и наши духовные стремления – к истине, правде, добру и красоте, могут развиваться в нас, окрепнуть и утвердиться в душе нашей только при условии благоприятных влияний. Религиозные запросы и искания нашей души вытекают из присущего нашей душе естественного религиозного чувства, которое есть не что иное, как внутреннее, таинственное восприятие нашею душою Бога и невидимого, духовного мира, «соприкосновение мирам иным», как сказано у Достоевского. Наряду с внешними органами чувств, зрением, слухом и др., в нас существует еще и внутреннее око, при чистоте которого мы познаем Бога. Это наше внутреннее око пользуется и нашими внешними органами чувств, чтобы, при их посредстве, давать нам знание мира духовного. «Небеса поведают Славу Божию и дела руку Его возвещают твердь».

Итак, религиозное чувство не нуждается в том, чтобы его насаждали в человеческой душе как нечто ей постороннее. Оно по природе присуще человеку, который создан по образу и подобию Божию. И Бог находится недалеко от нас, ибо мы, по слову Апостола, Им и живем, и движемся, и существуем. Поэтому не о насаждении религиозного чувства нужно заботиться, а лишь о том, чтобы не мешать ему проявляться, чтобы помочь ему развиваться и укрепляться, стать более ясным, глубоким и серьезным. Из этого видна ошибка тех, которые говорят, что не нужно «навязывать» детям религиозных верований. Навязывать нет никаких надобностей то, что уже живет в природе человеческой как ее необходимая потребность. Когда мы заботимся о том, чтобы ребенок рос правдивым, добрым, развиваем в нем чувство красоты, помогаем ему познавать Бога, мы не навязываем ему чего-либо чуждого и не свойственного его природе, мы только помогаем ему из самого же себя извлекать, как бы освобождать из пеленок, в себе самом усматривать те прекрасные свойства и движения души, которые вообще свойственны человеческой душе. Если бы мы, якобы по принципу ненасиливания детской души, отложили бы раскрытие в ней ее лучших качеств до того времени, когда ребенок вырастет, то этим мы обрекали бы ее на бесплодие, и она никогда бы уже не обрела в себе того, что не успело раскрыться в ней в ранние

годы. Все это относится и к религиозному чувству, развитие которого в детские годы также не является насилием над детской природой, а лишь ее естественным и желательным раскрытием.

Итак, каждому человеку свойственно с первого момента его жизни воспринимать своим внутренним чувством бытие Божие.

В начале это восприятие происходит бессознательно. Затем ребенок начинает замечать в себе свои религиозные ощущения и впечатления, но принимает их как нечто вполне понятное, естественное и не требующее никакого объяснения. Он воспринимает их так же просто, как свет и теплоту солнца. В этом периоде своей жизни ребенок нуждается только в одном – чтобы его религиозная потребность находила себе достаточное питание извне. И это питание в обилии подается ему в тех православных семьях, где не порвана живая связь с церковью, где свято хранится и с любовью поддерживается православно-церковный уклад жизни.

Уже один высокий и строгий взгляд Церкви на брачную жизнь и на семью создает в каждой верующей семье благоприятные условия для религиозного развития детей от их самого малого возраста. В верующей православной семье брак не является случайным или временным соединением двух людей для тех или иных земных целей – она видит в браке неразрывный и вечный союз мужа и жены по образу таинственного соединения Христа с Церковью, как об этом пишет Ап[остол] Павел; и этот строгий и возвышенный взгляд придает семейной жизни религиозный характер, характер христианского подвига, совместного служения Богу в семье, делает семью малою церковью освящает каждый момент семейной жизни благословением Церкви. По словам Епископа Феофана Затворника, в христианской семье младенец, еще до появления своего на свет, не оказывается лишенным благодатного влияния Церкви в зависимости от образа жизни, занятий и настроения матери, ибо все, переживаемое матерью, отражается и на духовной жизни носимого ею в себе младенца.

Молитва матери, частое причащение Св[ятых] Таин, уклонение от светской суетности, духовное чтение и т.д. – все это невидимыми путями проникает в душу ее ребенка. Жития святых, например, Иоанна Предтечи и Преп[одобного] Сергия, нам ясно это подтверждают. С появлением младенца на свет Церковь как бы принимает его на свое попечение и питает его духовно своим благодатным воздействием. В первый же день рождения младенца священник дает молитву матери и в ней молится: «сохрани сию и сего младенца, его же роди»... «Соблуди его от всякого яда, от всякия лютости, от вся-

кия бури сопротивнаго, от духов лукавых, дневных же и noctных»... В восьмой день по рождении младенца, нарекая ему имя, священник молится: «Господи Боже наш, Тебе молимся и Тебе просим, да знаменается свет лица Твоего на рабе Твоем сем (или: на рабе твоей сей) и да знаменается крест Единороднаго Сына Твоего в сердце и в помышлениях его, во еже бегати суеты мира, и от всякаго лукаваго навета вражия, последовавши же повелениям Твоим. И даждь, Господи, неотречену пребыти имени Твоему Святому на нем, совокупленном во время благопотребно святей Твоей Церкви, и совершаемом страшными тайнами Христа Твоего; да по заповедем Твоим жительствовал, и сохранив печать нерушиму, получит блаженство избранных во царствии Твоем».

В 40-й день по рождении младенца, когда совершается его воцерковление, и мать впервые приносит его в храм Господень, священник, благословляя младенца, читает над ним молитву: «и от нея рожденное отроча благослови, возрасти, освяти, вразуми, уцеломудри, удобромудрстви: яко Ты привел еси е, и показал еси ему свет чувственный, да и умного сподобится света, во время еже определил еси, и сопричтется святому Твоему стаду...»

Все эти слова не простые благопожелания, но призывание действенной силы Божией на младенца.

Наконец, Церковь допускает младенца и ко святому крещению, к причащению Св[ятых] Животворящих Таин Христовых, по справедливому убеждению, что им доступно, хотя бы и бессознательно, восприятие спасительной благодати Св[ятого] Духа. И действительно, разве те дети, на которых Господь Иисус Христос возлагал свои благословляющие руки, сознательно воспринимали это благословение (не потому ли Апостолы и не допускали их?), и однако же, скажем ли мы, что это благословение было для них бесплодно? И мы можем радоваться тому, что наша Православная Церковь, хотя и выделяется в практике таинственного освящения человеческой души от всех остальных христианских вероисповеданий, однако вполне правильно следует в этом случае примеру Спасителя.

Вся домашняя обстановка православного дома, весь уклад семейной жизни, несознательно воспринимаемые младенцем, питают в нем религиозную жизнь. Здесь все имеет свое глубокое значение – и благословение священника, и материнская молитва, и образок или крестик над колыбелью младенца, и причащение Св[ятых] Таин, и окропление св[ятой] водою, и лампада перед св[ятой] иконою, и посещение храма младенцем, и картины, украшающие комнаты дома. Пусть не говорят, что ребенок ничего этого не понимает. Он, может

быть, и не понимает, но воспринимает, а со временем и вспоминает. Многое, что мы вспоминаем, было нами когда-то воспринято в бессознательном младенчестве. Мне было два года, когда умерла моя мать, а я и сейчас ясно представляю себе всю обстановку комнаты, где стоял ее гроб, помню, как стоял ее гроб и какие люди его окружали. Сомнительно, чтобы все это я запомнил сознательно. Эти впечатления бессознательно запали в мою душу, а потом выплыли на поверхность сознания. Как губка впитывает в себя воду, так и ребенок впитывает в себя впечатления домашнего православного быта и церковной благолепно-торжественной обстановки. Он бессознательно носит их в себе, но они все же в нем живут, и рано или поздно обнаружат свое присутствие. Религиозные обычаи семьи, встречи Рождества Христова или Нового Года, Крещения или Пасхи, праздники Троицы или Преображения, Великий Пост и исповедь, все, что так душевно описано в «Родном Слове» Ушинского и что так нравится детям, все это не проходит бесследно для духовной жизни ребенка, из всего этого накапливается в душе ребенка богатая духовная сокровищница светлых впечатлений, которая в позднейшие годы, в момент критических, опасных внутренних переживаний и переломов явится для души источником спасения и возрождения, заполнит образовавшуюся в ней пустоту. Насколько все перечисленные церковные влияния соответствуют природе ребенка, отвечают ее еще неосознанным религиозным запросам и потребностям, это видно из того, с какою охотою и радостью ребенок их воспринимает. Ребенок не тяготится ни молитвою, ни посещением храма, он плачет, когда родители не берут его, по молодости лет, на пасхальное богослужение, и нет для него большего торжества, как наступление того момента, когда ему объявят наконец, что в этом году и он пойдет к пасхальной заутрене. Дети любят читать и слушать жития святых. Вспомним, например, трогательный рассказ старца Зосимы («Братья Карамазовы») о религиозных впечатлениях его раннего детства, когда он, вместе с матерью бывая на страстной неделе в церкви, слушал там чтение о страданиях Иова, слушал трогательное пение «да исправится молитва моя», и видел облака кадильного дыма, восходящего к куполу в лучах весеннего солнца. Или вспомним замечательную английскую книгу «История детской души», где описываются тяжелые душевные переживания и печальная судьба мальчика Лионеля, воспитанного неверующим отцом вне всяких религиозных впечатлений, духовно им загубленного, и его дружба с девочкой Жесминой, дочерью бедного церковного органиста, выросшей в питающей и согревающей детскую душу церковной обстановке, богатой духовными впечатлениями.

Мы подходим теперь к тому возрасту ребенка, когда он из исключительно семейной обстановки переходит в обстановку школы.

С огорчением приходится отметить, что наши и частные и общественные дореволюционные школы, принимая на свое попечение детей, в большинстве случаев не умели подойти к детской душе со стороны понимания и удовлетворения ее религиозных нужд и потребностей. Они не умели продолжать религиозное дело семьи, не могли создать вокруг учащихся детей такой обстановки, в которой бы дети могли радостно и непринужденно продолжать развиваться и жить религиозно. Между семьею и школою в этом отношении существовало резкое различие, и дети как бы переходили из атмосферы теплой и уютной комнаты на сырой и неприятный холод внешнего мира. Школа просто уклонялась от каких-либо забот о религиозной жизни детей, опасаясь сделать что-либо неумелое и вредное, и предоставляла попечение о религиозных потребностях детей исключительно семье. А если школа и начинала делать что-либо для детей в религиозном отношении, то это выходило так грубо и формально, что вместо пользы получался один вред. Дети приучались к внешнему, формальному выполнению религиозных обязанностей, не согретому внутренним одушевлением и любовью к религиозной жизни. И школьная молитва, и посещение храма, и уроки Закона Божия – становились внешнею, механическою повинностью, не дававшей детской душе никакого религиозного плода. Может быть, бывали иногда и в школьной жизни моменты религиозного подъема и одушевления, остававшиеся светлым воспоминанием в душах детей, но такие моменты бывали нечасто. Казенное отбывание религиозного долга воспитывало в детях не только равнодушие к религии, но иногда даже и отвращение к религиозным обязанностям. От подростков нередко приходилось слышать горькое сознание, что «в прежнее время, когда жили дома, в семье, были и религиозными, и церковь любили, а здесь в школе совершенно охладели и к молитве, и к богослужению, и к исповеди, и к причащению Св[ятых] Таин». Уроки Закона Божия не могли улучшить такого положения дела, ибо они, по необходимости, часто превращались в простое зубрение учебника, без какого бы то ни было отношения к религиозной жизни ребенка, да и кроме того – что значат два урока Закона Божия в неделю в атмосфере общего безразличного отношения к религиозным запросам детей! В результате получалось то, что все лучшие, самые жизненные и волнующие интересы учащихся складывались и сосредотачивались вне всякого отношения к религии и христианству, ничего кроме скуки и пустоты не вызывавших в детской душе. Вся поэзия церковности, столь живо

чувствуемая в раннем детстве, детское горение сердца – все это оставалось где-то там, в прошлом, в далеком детстве, а в действительной школьной жизни оказывалась только нудная и тягостная внешняя повинность обязательного посещения церкви и зубрения неинтересных учебников Закона Божия. Дети отходили внутренне от религии и церкви.

Из всех средних учебных заведений, какие мне приходилось наблюдать на своем веку, я только в кадетских корпусах видел попытки внести в религиозную жизнь учащихся характер некоторой домашней уютиности и теплоты и некоторую поэзию. Из других учебных заведений мне известны только две школы, не считая церковно-приходских, где заботам о религиозной жизни учащихся отводилось главное место.

Это – сельскохозяйственные школы (мужская и женская) учредителя Крестовоздвиженского Трудового Братства в Глуховском уезде Черниговской губернии Николая Николаевича Неплюева<sup>2</sup> и Татевская школа Сергея Александровича Рачинского<sup>3</sup> в Смоленской губернии. Деятельность Н.Н. Неплюева и С.А. Рачинского происходила почти в одно и тоже время, в 80-х и 90-х годах прошлого столетия, одного в Южной России, другого в Центральной. Н.Н. Неплюев, сын богатого черниговского помещика, губернского предводителя дворянства, уже с детских лет охваченный горячею любовью к Евангелию, с годами все более и более болезненно ощущал противоречие, существующее между жизнью христианского общества и его официальным исповеданием христианства. В своей замечательной книге «Что есть истина?» Неплюев подробно описывает это противоречие, существующее как в жизни, так и в литературе, и в науке. Достигнув 27 лет, он не мог долее оставаться пассивным свидетелем этого противоречия и после необыкновенного сновидения, три раза повторившегося с буквальной точностью, он оставил свою дипломатическую службу в Мюнхене, приехал в Россию, поселился в своем родовом имении Янполь, Черниговской губернии, нанял простую деревенскую хату и стал принимать к себе на воспитание крестьянских детей, полагая, что пересоздать нравы и быт современного псевдохристианского общества можно только путем последовательно проведенного с самого раннего детства христианского воспитания молодежи. Со своим небольшим обществом крестьянских ребят, в возрасте, не превышавшем 10 лет, Н.Н. Неплюев проводил целые дни, читал и объяснял им Евангелие, молился с ними, разговаривал, стараясь развить в них ту природную христианственность, которая заложена Богом в душу каждого человека. Главное внимание он

обращал на то, чтобы между детьми установились добрые, братские отношения, проникнутые взаимною любовью. Он изучал их характеры, и на каждого из них старался влиять соответствующим способом, отучая от недостатков и приучая к добрым навыкам. Иногда он водил детей в дом своего отца, занимал их игрою на рояли, читал им доступные лучшие произведения русской и иностранной литературы, плакал вместе с ними над «На заре Христианства» ФARRARA, развивал в них художественные вкусы и чуткость, так что среди его питомцев оказалось потом два недурных поэта. Через некоторое время этого постоянного общения с детьми он достиг того, что его воспитанники оказались способными образовать из себя братский кружок, все члены которого были связаны данным перед иконою обещанием жить друг с другом по-братски, во исполнение заповеди Христовой. Этот маленький кружок, возникший около 1881 года, и явился зерном, зародышем всего последующего дела Неплюева. По его просьбе отец его выделил ему из своего огромного имения хутор Воздвиженский, предоставив ему полную свободу устраивать там все, что ему угодно. Неплюев на этом хуторе устроил начальную сельскохозяйственную школу для мальчиков. Первоначальный приют в Янполе продолжал существовать по-прежнему, а подраставшие в нем дети переходили на хутор в сельскохозяйственную школу, куда, кроме них, принимались и дети со стороны. Дети принимались бесплатно и жили на полном содержании Неплюева. Учителя были сначала наемные, а впоследствии были заменены молодыми людьми, окончившими Неплюевскую школу и выдержавшими экзамен на учителя при казенном учительском институте. Сам Неплюев поселился на хуторе, ежедневно собирал детей у себя, или приходил к ним в школу. Первоначальный братский кружок постепенно разрастался. С умножением числа его членов выделился из него старший братский кружок (разрядка в тексте. – *Прим. ред.*), кружок ближайших помощников и друзей Неплюева, которым он поручал непосредственное руководство остальными членами кружка, составившими младший братский кружок (разрядка в тексте. – *Прим. ред.*). Был выработан особый молитвенный чин вступления в тот и другой кружок. У каждого кружка была своя хоругвь. На первых порах, когда на хуторе еще не было ни церкви, ни священника, дети ходили молиться в соседнее село или же собирались по воскресным и праздничным дням в школьном зале или в доме у Неплюева и там после предварительной духовной беседы пели церковные песнопения. Из рядов молящихся мальчиков тот или другой произносил церковные молитвы. Читались молитвы, составленные и самим Неплю-



евым. По окончании общей молитвы поздравляли друг друга с праздником. В обычные дни утренние и вечерние молитвы читались и пелись в школьном зале, перед большим образом благословения детей. При этом допускались и поощрялись импровизированные молитвы детей, что не всегда производило приятное впечатление. По субботам собирался школьный круг, общее собрание всех школьников, для обзора жизни школы и взаимных отношений за истекшую неделю, причем здесь же высказывались похвалы одним и порицания другим ученикам. Собрания братских кружков, младшего и старшего, происходили почти ежедневно, в доме Неплюева, под его руководством. Вся жизнь школьников шла под непрерывающим наблюдением самого Неплюева, членов старшего братского кружка, а, впоследствии, и учителей. Каждый школьник обязан был вести свой дневник и показывать его старшему по его требованию. С течением времени открыта была под наблюдением сестры Неплюева, Марии Николаевны, женская сельскохозяйственная школа, и в ней была установлена та же самая система воспитания.

Я не буду рассказывать о том, как из этих двух школ выросло потом Крестовоздвиженское Трудовое Православное Братство и как оно жило — это уже не входит в круг моей темы. Я возвращаюсь к школам, к их настроению. В школах Неплюева выработалось особенное, своеобразное и приподнятое настроение, так сказать, религиозной интеллигентности. Здесь не было простого, обычного, православного благочестия, с любовью ко всем мелочам церковного быта. Здесь был некоторый оттенок рационализма, отпечаток того своеобразного пути, каким шел в своем религиозном развитии и сам Н.Н. Неплюев, не просто воспринимавший традиции церковности, а вносящий и многое свое в понимание если не догматов веры, то путей христианской жизни. В его деятельности чувствовался недостаток церковного опыта, церковной традиции, как он чувствовался и в жизни всего братства. И это создавало взаимную отчужденность между школами и окрестным населением, которое никак не могло понять той формы православного благочестия, какая существовала в Братстве и в школе.

Идея христианского воспитания Неплюева, в ее практическом осуществлении, оказалась теоретической и кабинетной, и как школы, так и возникшее из них братство получили тепличный, оранжерейный, искусственный характер. Эту искусственность и отвлеченность своего внутреннего уклада чувствовали и сами питомцы Неплюева, и некоторые тяготились ею, уходили из школы и из братства, уходили с болью в сердце, потому что им дорого было то гнездо,

где их воспитывали с такою любовью и где они пережили столько хороших и незабвенных впечатлений. Многие сектанты и богоискатели приезжали к Неплюеву, надеясь найти в его братстве нечто родственное себе по духу; отчасти они это и находили, но его связь с Церковью в конце концов отталкивала их от него.

Недостаток духовности в своем братстве чувствовал и сам Неплюев и говорил своим питомцам: «Чем ближе будем мы к Церкви, тем больше правды будет в нашей жизни».

В совершенно иной форме велось дело религиозного воспитания в Татевской школе С.А. Рачинского. Как известно, С.А. Рачинский, профессор ботаники Московского университета, оставил свою профессорскую кафедру и, поселившись в своем имении, в деревне, сделался скромным сельским учителем. Как и Неплюев, он считал необходимым обратить главное внимание на религиозное воспитание детей. Но Рачинский подошел к разрешению своей задачи иначе, нежели Неплюев.

В то время, как Неплюев вкладывал в души детей свое личное понимание христианства, Рачинский ничего своего личного, индивидуального не хотел давать детям. Он хотел, напротив, привить детские души к общецерковному и общенародному религиозному опыту и сознанию. Он хотел, чтобы дети поняли красоту Православия и научились сознательно ценить и любить духовные сокровища православной Церкви. В этом отношении его чувства совпадали с чувствами окружавшего его народа. Его идеал святости был понятен и близок народу. Между ним и народом, между ним и семьями его учеников не было того внутреннего отчуждения, того взаимного непонимания, какое было у Неплюева с окружающей его средой. Деятельность Рачинского была ясна и приятна окружающему населению, которое и само хотело видеть своих детей такими, какими их хотел воспитать Рачинский. У Рачинского не существовало никакой организации воспитания, не было братских кружков и т.д., но была только его индивидуальная близость к каждому из его питомцев и поставление каждого из них под непосредственное воздействие церковной обстановки. Привлечение детей к разумному и сознательному участию в жизни Церкви было его главным средством религиозного воспитания. И это средство, не подавляя и не насилуя детской природы, содействовало свободному и естественному раскрытию и углублению присущей ей религиозности. У Рачинского все дело воспитания строилось гораздо проще и естественнее, нежели у Неплюева. Он любил, например, когда его ученики в дурную погоду, за дальностью расстояния оставались ночевать у него в школе. Это давало ему возможность

провести с ними вечер по-семейному, почитать с ними и побеседовать и закончить вечер общей церковной молитвой на сон грядущий. Замечательна его книга «Школьный поход в Нилову Пустынь» – это, кажется, чуть ли не первая у нас в России попытка предпринять и описать школьное паломничество в монастырь. Деревенское население отнеслось к этому предприятию с большим сочувствием, сами участники паломничества – с восторгом, и оно было совершено с молитвою, благоговейно, с сознанием его смысла, с большой духовной пользой для детей. Из школы Рачинского, под его влиянием, вышли такие высоко настроенные и одаренные деятели, как художник Богданов-Бельский и протопресвитер о. Александр Васильев, духовник царской семьи. Мне кажется, что наше время и наше Христианское Студенческое Движение должно с особенною любовью и благодарностью вспомнить этого замечательного деятеля народной школы, одного из основателей и вдохновителей нашей православной церковной школы! Несмотря, однако, на указанные светлые примеры, все же нужно признать, что наша старая русская школа, в общем, не только не умела удовлетворять и развивать религиозные запросы и потребности детей, но даже и заглушала их, придавая религиозной жизни детей характер внешней, механической, бездушной повинности, не дававшей пищи ни уму, ни сердцу. А между тем как раз во время пребывания в школе, начиная от 12–14 лет, для детей обычно начинается самый опасный переходный период в их духовном развитии, когда они особенно нуждаются в разумной помощи и духовном руководстве. Немногие из молодежи бывают настолько счастливы, чтобы этот переходный возраст прошел для них благополучно, не произведя в душе их глубокого надлома и потери духовного равновесия. Конечно, такие особенно благодатно-одаренные избранники Божии, как преп[одобный] Феодосий Печерский и св[ятой] Сергей Радонежский или Серафим Саровский, не знали этих тяжелых испытаний юности. В их сердцах всегда ярко горел свет веры и указывал им жизненный путь. Но и кроме них, святых угодников Божиих, были и есть, не только в старину, но и в наши дни, молодые люди, которые свою детскую веру сохраняют нетронутою и неразрушенною никакими последующими влияниями и обстоятельствами до самой глубокой старости и кончины своей. Но не все так счастливы. Что же такое происходит с молодыми людьми при переходе их из детского в отроческий и юношеский возраст? Какая происходит в них внутренняя перемена? Происходит то, что в них возникают и начинают властно проявлять себя скрытые до тех пор и безмолвные влечения чувственности, с одной стороны, и склонность к исключительной рассудоч-

ности, с другой стороны\* . Обыкновенно бывает так, что то и другое не совмещается в одной личности. У одних преобладают чувственные влечения, и на втором месте стоят умственные запросы и интересы; у других, напротив, господствует умственная, рассудочная жизнь при сравнительной слабости чувственных влечений. Вот эти-то поднявшиеся в молодой душе влечения и интересы, сами по себе естественные и неизбежные, при отсутствии или при слабости регулятора живой веры, глубоких духовных стремлений, захватывают не подобающее им положение во внутренней жизни юноши, переворачивают в молодом человеке весь сложившийся в его душе уклад, вызывают в нем бурю новых желаний, страстей и внутренней борьбы, изгоняют мир из его души, вызывают сомнения, тревогу, отодвигают на задний план и совершенно заглушают ясный, спокойный, отрадный религиозный уклад детства, и иногда даже вызывают к нему враждебное и иронически-пренебрежительное отношение. Жизнь подростка осложняется. У тех молодых людей, в душе которых крепко укоренены религиозные начала жизни, вся эта поднявшаяся новая волна, все это бурное кипение – встречает себе преграду, умиряется и вводится в границы ясно сознаваемым религиозным идеалом и религиозным долгом. Они смотрят на все новое, возникающее в их душе, как бы с некоторой высоты своих религиозных верований, производят своим новым чувствованиям и стремлениям надлежащую оценку и не позволяют им овладеть собою безраздельно. При всех постигающих их искушениях они не теряют основного направления своей жизни. У тех же, кто не имеет в себе глубоко укорененного религиозного начала, проснувшиеся в них влечения чувственности и склонность к отвлеченному умствования, не встречая себе ни в чем ограничения, всецело завладевают их существом и делают их беспомощною игрушкою вспыхнувших страстей. В этом послушном служении своим страстям они полагают даже свою свободу, забывая, что в действительности они являются только рабами греха, и горячо протестуют против всякой попытки ограничения этой их мнимой свободы. Чувственные влечения молодости могут проявляться в самых разнообразных формах, – начиная от простой лени, нежелания принудить себя к какому бы то ни было напряжению, и оканчивая всевозможными крайними видами половой распущенности и невоздержанности.

Склонность к умствования выражается в чрезмерной доверчивости к заключениям своего ума, в крайней самоуверенности, в прене-

---

\* Это не значит, что к этим влечениям сводится в с я (разрядка в тексте. – Прим. ред.) их внутренняя жизнь; этому же возрасту свойственны и самые горячие, самоотверженные порывы, но вместе с ними свойственны и самые иногда низкие движения и падения.

брежительно отношению к мнениям других, в убеждении, что истина познается только работою ума, только логическими выводами, независимо от нравственной и духовной подпочвы человека. Таковы те идолы, пред которыми склоняются юноши в возрасте от 14 до 18 лет. Нельзя сказать, чтобы эти идолы доставляли душе юноши какое-либо удовлетворение. Он носится с ними, но душа его остается в глубине беспокойной. Он страдает и тоскует, он ищет чего-то лучшего, более правдивого, более чистого и прекрасного, и отсюда возникает та жажда понимания смысла и цели жизни, каковая бывает так свойственна молодости. Отсюда вытекают эти посещения великих людей в надежде услышать от них какое-то спасающее, руководящее слово, отсюда увлечение всевозможными новыми идеями и теориями, обещающими людям всеобщее счастье и блаженство. Истинная твердая почва религиозной веры ушла из-под ног, и юноша употребляет все усилия утвердиться на какой-нибудь иной почве.

Но все эти высокие и благородные порывы и стремления обычно не выходят из пределов мечтаний. Воля остается бездейственной к реальному осуществлению добра, к преодолению своей чувственности, к отрешению от пустых умствований. И из всего этого создается тяжелая внутренняя драма, постоянно обращающая мысли к самоубийству как единственному выходу из своей беспомощности и ненужности своего существования. Охваченный этим настроением юноша забывает о всех других людях, даже самых близких и родных ему, он думает только об одном себе, он как бы навеки остается в своем сиротливом одиночестве. И нельзя не признать, что молодости гораздо чаще бывает свойственна горделивая и тоскливая самозамкнутость, нежели людям пожилым и старым. Эта самозамкнутость и одиночество приводят к возникновению в душе юноши самого фантастического и нездорового мира. Вспомним, например, психологию Раскольникова. Чем же в конце концов разрешается это тягостное самочувствие молодости?

У одних оно разрешается простым примирением со своим душевным состоянием или отвлечением от него различными деловыми интересами – профессиональными, политическими, материальными и другими, погружением в прожигание жизни, в погоне за удовольствиями и т. п.

У других, и это самый лучший и счастливый исход, оно разрешается возвращением к забытому и утерянному религиозному идеалу детства. В те годы юношества, о которых мы сейчас говорим, религиозное чувство и религиозная жизнь не привлекают к себе внимания молодежи. Если даже молодой человек и не становится атеистом,

если в душе его еще теплится некоторое уважение к религии, во всяком случае это уважение находится где-то там, далеко в глубине души, подавленное, заглушенное происходящим в душе движением иных чувств, настроений и стремлений. Но вот, в момент, может быть, наибольшей безнадежности и пустоты жизни, вдруг откуда-то из глубины души, как отдаленный звон радостного благовеста (вспомним, например, «Ночь», рассказ Гаршина<sup>4</sup>), поднимаются волнующие воспоминания детства. Являются они как-то совершенно неожиданно. Увидит, например, юноша в окне магазина книгу с религиозным названием, которое он слышал в раннем детстве, или увидит в доме у знакомых теплящуюся лампаду и т. п., и вдруг душа его как-то встрепенется, загорится в ней какое-то чувство, теплое, светлое, радостное, нахлынут переживания детства. Давно знакомые и привычные вещи вдруг воспринимаются по-новому. До сих пор безмолвствовавшие предметы вдруг начинают говорить. Я знал юношу, который, в этот период своего нового духовного рождения, возвращения к утраченным сокровищам детства, не мог без радостного трепета перечитывать описание церковного венчания Левина и Китти, каждое слово которого вызывало из глубины души его волнующие религиозные впечатления детства. То же самое происходило с ним и при перечитывании многих страниц из «Братьев Карамазовых». У иных религиозное чувство оживало под впечатлением красоты и величия природы. Так, один студент рассказывал, как однажды, когда он странствовал в одной из центральных местностей России, и солнце уже склонялось к западу, и кругом не было ни одной живой души, и в природе царило глубокое молчание, и тянулись во все стороны бесконечные поля созревающей ржи, и на горизонте виден был небольшой перелесок, – на него вдруг напал непонятный, таинственный страх. Он вдруг почувствовал в глубине окружающей его безмолвной природы какую-то великую тайну и понял, что только тонкая перегородка его материального тела отделяет его от познания этой тайны, которая может тотчас же и сразу открыться ему в момент его смерти. Ощущение чрезвычайной близости этого невидимого, таинственного мира приводило его в ужас. Это, вероятно, был ужас, подобный тому, какой испытал патриарх Иаков, проснувшись после видения таинственной лестницы, когда он в трепете воскликнул: «Страшно место сие! Несть сие, но дом Божий и сия врата небесная». Студент признавался, что он боялся, как бы ему не умереть от этого чувства ужаса, как вдруг в этот самый момент откуда-то из-за леса донесся отчетливый звон колокола, возвещавший о начале вечерней службы. Этот звон, как какой-то родной, успокаивающий голос, вер-

нул его к сознанию окружающего внешнего мира и отогнал чувство ужаса. В другом подобном случае такая же близость общения с природой вызвала не чувство ужаса, а, наоборот, чувство радостной веры в Бога, или, лучше сказать, прозрения Бога в природе. Тем или иным путем пробудившееся в душе религиозное чувство сразу же по-иному освещает мир и жизнь. Человек отрешается от себя, он начинает видеть красоту и величие мира, появляется вера в высокий смысл и назначение жизни, открывается сердце к принятию Евангелия и правды Его. Начинает тянуть в церковь, к богослужению, к исповеди, к причащению Св[ятых] Таин, хотя мысли остаются еще во многом еретическими. И когда в молодой душе, после всего, что было пережито ею раньше, в годы внутренней смуты, начинают говорить такие чувства и появляются такие мысли и переживания, тогда смело можно сказать, что эта душа уже спасена, что она уже вышла из состояния своего внутреннего хаоса. Кто однажды вкусил сладкого, тот уже не хочет горького. Кто почувствовал в душе своей сладость жизни с Богом и в Боге, тот уже более или менее защищен от порабощения плотскими страстями и бесплодную рассудочностью. Они могут налетать на него, как бурные временные порывы, но уже не могут постоянно владеть его душой. И здесь уже начинается третий период духовной жизни для юноши, когда, утвердившись на камне из опыта приобретенной, а не рассудочной только, веры в Бога, он начинает сознательно строить на этом основании свою духовную и внешнюю жизнь. Конечно, появление веры в Бога – это только начало духовного пути.

Сама вера имеет различные степени глубины. Апостолы, после долгого пребывания с Господом, просили Его умножить в них веру. Путь духовной жизни есть долгий и сложный путь, на котором много терний и соблазнов. Граф Л.Н. Толстой в своей «Исповеди» описывает путь своего возвращения к Богу. Но, придя к Богу, он не пришел ко Христу, не пришел к Церкви Христовой, которая до конца жизни осталась ему чуждой и непонятной. Все это показывает, что обращение к Богу хотя и составляет основной момент в переломе духовной жизни юности, однако этим обращением христианская жизнь в человеке только еще начинается. Дальнейший ход жизни этой уже выходит из пределов нашей темы, и мы уже не можем говорить о нем.

Итак, подводя итог всему сказанному, мы видим, что в религиозной жизни молодежи можно различать три периода: 1) период детской, непосредственной веры; 2) период отхода от веры и увлечения всевозможными видами чувственности и пристрастием к логическим

отвлеченностям; и 3) период возвращения к религиозному чувству, к разумной, сознательной вере и к жизни по вере.

В первом периоде – приблизительно до 10–12 лет – ребенок живет непосредственным восприятием духовного мира, не ставя себе никаких вопросов и нисколько не сомневаясь в его существовании. Он воспринимает его так, как мы воспринимаем тепло и свет солнца, не задавая себе вопроса – существует ли солнце? У ребенка имеется то именно непосредственное чувство Бога, каким проникнута Библия, которая тоже никогда не ставит вопроса о существовании Божиим и никогда не доказывает бытия Божия. В этом возрасте религиозные потребности и запросы вполне удовлетворяются теми православно-церковными впечатлениями, какие ребенок получает в семье и в храме, и эти религиозные впечатления детства, это положительное влияние семьи и храма, питая духовно ребенка, обогащают его душу драгоценными вкладками мысли и чувства, спасительное значение которых ребенок не всегда понимает в момент их восприятия, но которые потом принесут свой плод для успешного развития религиозной жизни\*.

Второй период в религиозной жизни молодежи характеризуется обнаружением чувственных влечений и склонности к отвлеченным умствованиям. Религиозные чувства и настроения в этом возрасте отодвигаются на заднее место и мало интересуют молодежь. Этот период продолжается приблизительно от 12 до 18 лет. Те подростки, в душе которых религиозная жизнь имеет довольно глубокие корни, не дают этим влечениям и склонностям овладеть собою. У людей же слабых, без крепких духовных устоев они становятся полными хозяевами души и воли, и причиняют юношам много внутренней борьбы и горя. В этом возрасте, самом опасном для молодежи, ей необходимо прежде всего иметь ясное сознание, что в этих своих чувственных влечениях и в этой своей склонности к отвлеченному умствованию она имеет врагов своей истинной духовной жизни, с которыми она должна упорно бороться. Она должна помнить, что истинная духовная жизнь, жизнь религиозная, требует от человека огромного напряжения, постоянного подвига и самоотвержения. Это гораздо труднее, чем отдаваться влечению своих страстей, но вместе с тем и несравненно

---

\* В этом возрасте особенно необходимы живые, яркие, наглядные впечатления – церковное богослужение, паломничество, религиозная обстановка дома, православные обряды и обычаи, чтение житий святых, рассказы о святых местах и о подвижниках. Следует избегать чтения выдуманных слащавых легенд о Христе и святых. Имея внешнюю занимательность, они в действительности стирают в душе ребенка грань между правдою и выдумкою и развивают в нем не религиозное чувство, а фантазию.



благороднее: духовная жизнь приносит человеку неисчислимые духовные блага и утешения. И эти блага и утешения гораздо ценнее всяких других радостей, и за них надо бороться, их надо достигать, постоянно укрепляя в этом свою волю. Устоять в этом аскетизме перед натиском различных соблазнов, конечно, трудно. Помочь здесь может только вера и молитва. Но не малую пользу могут принести в этом возрасте и лучшие произведения мировой художественной литературы и все, что возвышает и облагораживает душу, например, музыка и созерцание красоты природы. Хорошая, искренняя, серьезная дружба может иметь в этом возрасте также большое и спасительное влияние.

Наконец, третий период есть период сознательного возвращения к Богу, христианству и церкви. Конечно, и этот период не свободен от борьбы, искушений и сомнений, но от всего этого человек не может считать себя свободным до конца своей жизни. В этом периоде у юноши уже имеется твердая почва под ногами, стоя на которой, он, пользуясь всеми благодатными средствами церкви, может преодолеть и побеждать все козни врагии и, восходя от силы в силу, подниматься по ступеням духовной жизни.

Итак, время детства и юности есть время внутренней борьбы за самые ценные сокровища духовной жизни человека – за веру в Бога, за светлый и разумный взгляд на жизнь и мир, за торжество духа над низменными влечениями чувственности и склонностью к отвлеченной рассудочности. Эти внутренние переживания и составляют самую сердцевину, самое существо духовной жизни молодежи.

Неправильный подход к религиозному вопросу, неправильная его постановка в юные годы, влечет за собой крайне вредные, болезненные последствия для духовной жизни молодежи, уродует их духовно, приводит к отчаянию и самоубийству. И наоборот, правильная постановка религиозного вопроса, обретение молодою душою с самых юных лет правильного отношения к Богу, делает душу здоровой, бодрой, исполненной внутреннего мира и нравственной силы. Отсюда следует, что правильная постановка религиозной жизни молодежи с самого раннего ее возраста, и притом в обстановке православной церковности, должна составлять нашу первую и неотложную задачу.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Четвериков Сергей Иванович, прот. (1867–1947), известный церковный историк и публицист, исследователь истории русского старчества, автор книги «Оптина Пустынь», где впервые были опубликованы письма Ивана Киреевского к его духовному отцу старцу Макарию (Иванову). Прот. С.И. Четвериков издал также дневники Киреевского за 1852–1854 гг.

<sup>2</sup> Неплюев Николай Николаевич – общественный деятель и писатель, родился в 1851 году, по окончании курса в Санкт-Петербургском университете служил при Русском посольстве в Мюнхене. Пробыв два года вольнослушателем в Петровской земледельческой академии, поселился в своем родовом имении Глуховского уезда Черниговской губернии и стал заниматься обучением крестьянских детей. Скончался Н.Н. Неплюев в 1908 году. См. также: *Хорьков А.Н.* Н.Н. Неплюев и Крестовоздвиженское трудовое братство // *Православная община*, № 4, 1992. С. 887; *Склярова Т.В.* Православное воспитание в истории российского образования до 1917 года // *Склярова Т.В.* Православное воспитание в контексте социализации. М., 2006.

<sup>3</sup> Рачинский Сергей Александрович родился 2 мая 1833 г., в селе Татеве Черниговского уезда Смоленской губернии. Воспитывался дома. С 1849 г. по 1853 г. учился в Московском университете. С 1853 г. по 1855 г. служил в Московском архиве Министерства иностранных дел. 1856–1858 гг. провел за границей. С 1859-го по 1868 г. преподавал в Московском университете физиологию растений. В 1859 г. С.А. Рачинскому было присвоено звание магистра ботаники за диссертацию «О движении высших растений». В 1864 г. он перевел работу Ч. Дарвина «О происхождении видов». В 1866 г. защитил докторскую диссертацию «О некоторых химических превращениях растительных тканей» и сделался профессором Московского университета. В начале 1870-х гг. окончательно поселился в Татеве, занявшись педагогической деятельностью. В 1873 г. держал экзамен на звание сельского учителя. В 1875 г. С.А. Рачинский открывает народную школу и сам становится ее учителем. Скончался С.А. Рачинский 2 мая 1902 г. См. также: *Лухта А.В.* Татевский дневник С.А. Рачинского // *Вестник ПСТГУ. Педагогика. Психология.* 2006. Вып. 3. С. 165–207.

<sup>4</sup> Гаршин Владимир Михайлович родился 2 февраля 1855 г. в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, в дворянской семье. Социальный писатель, интересовался также вопросами психиатрии. Наиболее известное его произведение в этом жанре – «Красный цветок». Помимо прозы писал стихи, но при жизни их не публиковал. Был также замечательным критиком живописи. В 1888 г. В.М. Гаршин, страдавший нервами, скончался после того, как в состоянии глубокой депрессии бросился в пролет лестницы.

*Публикация подготовлена  
канд. пед. наук Т.В. Скляровой*

## ON THE RELIGIOUS NEEDS OF CHILDREN AND TEENAGERS (A PASTOR'S POINT OF VIEW)

ARCHPRIEST SERGIY CHETVERIKOV

The first issue of the journal entitled 'Issues of Religious Education and Learning' published in 1927 in Paris is offered. In particular, it is the article by Archpriest Sergiy Chetverikov, as well as the Foreword by V.V. Zenkovsky (and I.A. Lagovsky as a co-author). In that issue of the journal, besides both publications mentioned, there appeared the following articles: 'The Church and the School' by V.V. Zenkovsky; 'Antireligious

## Публикации

---

Propaganda' by I.A. Lagovsky; 'The Evolution of Methods of Religious Education in America' by S.S. Shidlovskaya (Kulomzina, in marriage). At the end of the issue, there came a bibliography and a chronicle of the Conference on Religion and Pedagogics held in September 6-9, 1927, in Paris.

The present publication has been prepared by T.V. Sklyarova, Ph.D. in Pedagogics, and it opens with a concise description of activities that the Russian emigrants undertook in the field of spiritual and moral education of children in diaspora.